

«Базовый миф» как механизм культурной апроприации Истины: от философии Правды к философии Пост-правды

Михаил Васильевич Черников

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия
mv.chernikov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-5525-8493>

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса формирования феномена пост-Правды в качестве одного из механизмов культурной мобилизации масс в контексте «философии Правды» и теории «базового мифа» Ж. Сореля. Актуальность исследования определяется возможностью установить ряд ранее не изученных причин того «культурного поворота», который привёл к распространению в наши дни такого явления, как фейки, когда эмоциональные оценки, политическая ангажированность и предрассудки превалируют над рациональными аргументами, а понятие истины размывается. Цель статьи — концептуальный анализ тенденции, которую можно определить как переход от философии Правды к философии пост-Правды. В рамках достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи: 1) осуществить экспликацию концептуального аппарата русской философской культуры, группирующегося вокруг философов Правда и Истина; 2) апробировать его возможности в ходе анализа процессов рецепции и дальнейшего развития марксистской философии в России; 3) выявить и описать нетривиальные особенности этих процессов; 4) сопоставить концепцию пост-Правды с теорией «базового мифа» Ж. Сореля; 5) проследить теоретические возможности применения полученного теоретического гибрида для анализа «фейковой составляющей» культуры информационного общества. Материалами исследования послужили работы русских философов и видных общественно-политических деятелей, размышлявших о соотношении правды и истины в XIX – XX вв. Работа опирается на историко-генетический, герменевтический и аксиологический подходы, её основными методами выступают метод дескрипции, сравнительный и концептуальный анализ. В качестве теоретической призм использовано также учение Ж. Сореля о «базовом мифе». В результате исследования реконструирована культурно-философская специфика, характеризующая тенденцию перехода от философии Правды к философии пост-Правды. В работе показано, что состоявшаяся в XIX – начале XX вв. концептуализация философов Правды и Истины в русской культуре и философии выявила потенциал взаимного соответствия и несоответствия этих понятий. Применение «экстрагированного» таким образом концептуального аппарата к процессам развития марксизма-ленинизма в России первой половины XX в. показало, что феномен Пост-правды формируется в России не позднее первой

трети XX в. (ранее его возникновение связывали с концом XX – началом XXI вв. и философией постмодерна). Ключевыми особенностями пост-Правды «раннего образца» можно считать её манипулятивный характер, зависимость от вождизма и связь с деятельностью средств массовой коммуникации. Более того, рассмотрение данного феномена как элемента советской идеологии в призме теории «базового мифа» Ж. Сореля показало его связь с ориентированной на Истину «культурой смысла», переориентированной на поиск Правды и перешедшей к состоянию пост-Правды. В свою очередь, философствование в модусе пост-Правды обнаружило эффективность в деле мобилизации коллективного действия, что в свою очередь послужило популяризации и дальнейшему развитию практик использования философии пост-Правды — процесса, проявляющего себя в рамках стратегии продуцирования фейков, активно осуществляемой отдельными группами и индивидами в настоящее время.

Ключевые слова: Правда, Истина, постправда, философия Правды, философия Истины, философия постПравды, марксизм, развитие марксизма в России

Для цитирования: Черников М. В. «Базовый миф» как механизм культурной апроприации Истины: от философии Правды к философии Пост-правды // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-8-27>

Research article

***Basic Myth* as a Mechanism of Cultural Appropriation of Truth: from the Philosophy of Truth to the Philosophy of Post-Truth**

Mikhail V. Chernikov

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

mv.chernikov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5525-8493>

Abstract. The article analyses the phenomenon of post-truth as one of the mechanisms of cultural mobilization of the masses in the context of the *Philosophy of Truth* and the *Basic Myth* theory of George Sorel. The relevance of the study is determined by the possibility of establishing several previously unstudied reasons for the cultural turn that has led to the spread of the phenomenon of fakes. A result of which leads to emotional assessments, political bias and prejudices prevail over rational arguments, and the concept of truth is blurred. The purpose of the article is to provide a conceptual analysis of the trend that can be defined as the transition from the philosophy of Truth to the philosophy of post-Truth. In order to achieve this goal, it was necessary to complete the following tasks: 1) to explicate the conceptual apparatus of Russian philosophical culture, grouped around the philosophical themes of *Truth* and *Verity*; 2) to test it by analyzing the processes of reception and further development of Marxist philosophy in Russia; 3) to identify and describe the non-trivial features of these processes; 4) to compare the concept of *post-Truth* with G. Sorel's theory of *basic myth*; 5) to apply the resulting theoretical hybrid to the analysis of *fakes* in the culture of the information society. The research materials are the works of Russian philosophers and prominent socio-political figures who reflected on the relationship between *Truth* and *Verity* in the 19th – 20th centuries. The research utilizes historical-genetic, hermeneutic and axiological approaches, which use various methods of description, comparative and conceptual analysis. G. Sorel's teaching on the *basic myth* was also used as a theoretical lens. As a result of the study, the cultural and philosophical specificity

of the transition from the philosophy of Truth to the philosophy of post-Truth was reconstructed. The paper shows that the conceptualization of *Truth* and *Verity* in Russian culture and philosophy that took place in the 19th and early 20th centuries revealed the potential for mutual correspondence and inconsistency between these concepts. Applying the resulting conceptual apparatus to the development of Marxism in Russia in the first half of the 20th century that the concept of post-truth appeared as early as in the first third of the 20th century. The key features of the early model of post-Truth can be considered its manipulative nature, dependence on leaderism and connection with the media. Moreover, the consideration of this phenomenon as an element of Soviet ideology in the framework of the theory of the *basic myth* of G. Sorel showed its connection with the so-called *culture of meaning*, which moved from the search for *Verity* to the search for *Truth* and later to the state of *post-Truth*. In turn, philosophizing in the post-Truth mode has proven effective in mobilizing collective action, which served to further popularize and develop the practices of using the philosophy of post-Truth. This process manifests itself within the framework of the strategy of producing fakes, actively implemented by groups and individuals at the present time.

Keywords: Truth, Verity, post-Truth, philosophy of Truth, philosophy of Verity, philosophy of post-Truth, Marxism, the development of Marxism in Russia

For citation: Chernikov, M. V. (2025) 'Basic Myth as a Mechanism of Cultural Appropriation of Truth: from the Philosophy of Truth to the Philosophy of Post-Truth', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(1), pp. 8–27. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-8-27>

Введение

Размышления о Современности, как и философская рефлексия о Современности для описания текущих процессов всё чаще используют (апофатическую, по сути) приставку *post-* (*после*). Это особенно симптоматично в свете того, что сегодня принято говорить о Современности преимущественно как о переходе от индустриального общества к постиндустриальному [Багрова, 2017; Лига, Чжоу, Цзян, 2022; Елдин, Раслова, 2023; Сбойчикова, 2023], от капитализма к посткапитализму [Морозов, 2019; Павлов, 2019; Щипков, 2019; Кондрашов, 2020; Давыдов, 2021; 2022; Евстафьев, 2023], от модернизма к постмодернизму [Михайлова, 2020; Криман, 2021; Бойко, Зоткина, 2022; Уланович, Карпушенко, 2022; Кравченко, 2021; Олешкова, 2023] и даже от современности к постсовременности [Равочкин, 2020; Карасев, 2021; Семилет, Фотиева, Иванов, 2021; Тазаан, 2021; Неклесса, 2022; Тихонова, 2022; 2023].

В ряду понятийных конструктов, начинающих с приставки *post-* весьма заметное место занял и концепт «постправда». Считается, что термин *постправда* (*post-truth*) впервые был употреблён в 1992 г. «американским драматургом Стивом Тесичем, который, анализируя уотергейтский скандал, скандал вокруг тайных поставок вооружений в Иран правительством США в 1986 году, а также первую войну в Персидском заливе в довольно эмоциональной манере провозгласил “некий мир *постправды*”¹» [Управляемость и дискурс..., 2019: 6]. Уже в 2004 г. о наступившей эре *постправды* вышла книга Р. Кейса [Keyes, 2004], а в 2010 г. термин «постправда» стал активно использоваться популярным журналистом Дэвидом Робертсом, который писал для интернет-издания *Grist*. Но пика своей популярности этот термин достиг во время предвыборной президентской компании Д. Трампа 2016 г., которая сопровождалась большим количеством различного рода фейков. Термин «постправда» приобрёл настолько широкое распространение, что

¹ Tesich S. A Government of Lies // *The Nation*. — 1992. — January 6/13. — P. 12–14.

в 2016 г. был назван по версии Оксфордского словаря «словом года».

Таким образом, термин «постправда» к сегодняшнему дню обрёл статус теоретически нагруженного концепта, отличительные черты которого достаточно полно раскрывает отечественный исследователь С. В. Чугров. Он пишет:

«Во-первых, термин “постправда” родился не в социокультурном, а в сугубо политическом дискурсе. Это “политически удобная правда” “желаемая правда”, “как-бы-правда”, продиктованная исключительно политическими интересами, особенно в электоральных процессах, отрывающих путь к власти.

Во-вторых, постправда — порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом. ... Бегство от реальности в соцсети вызывает сперва всплески адреналина от азарта участия в политической игре (“Kill Trump!”, в лучшем случае “Impeach Trump!”), а затем и ощущение безнаказанности при конструировании виртуальной реальности, или искусственной политической среды. Возникает слой “человекороботов”, легко поддающихся усилиям манипуляторов, использующих их в политических целях.

В-третьих, одно из центральных качеств постправды — это редукция и исчезновение смыслов в результате контекстной стандартизации политического дискурса... Постправда апеллирует к рефлексам, но не к рефлексии... Постправда — это не ложь, не фейк, не “утка”, не миф, а некая особая квазиреальная среда, благоприятная для такого рода “псевдоновостей”, как чашка Петри с бульоном агар-агара, в котором активно размножаются болезнетворные бактерии... Постправда — это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правдива ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора. То есть неважно, произошло событие или нет — ведь оно могло бы произойти.

Постправда — это постмодернистская девиация, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов. Пусть вас не обманывает буквальный смысл слова “постправда”. Подлинное содержание слова состоит не в том, что происходит из обнародованной правды, и даже не в тех событиях, что происходят после того, как люди узнают правду. Постправда — это, напротив, то, что возникает, если люди игнорируют факты, а правда уже не играет существенной роли, уступая место популистской риторике, будь то обсуждение изменения климата, проблем миграции или военных расходов...» [Чугров 2017: 46].

Как видим, сегодня постправда интерпретируется в качестве особой культурной платформы, не сводимой к частным проявлениям и в то же время определяющей интеллектуальную атмосферу, в которой живёт общество. Соответственно, переживаемый нами временной период с подачи ряда аналитиков стал характеризоваться, как время постправды, как состояние постправды, в котором превалирует политика постправды [Чугров, 2017; Политика постправды..., 2017; «Политика постправды»..., 2018; Управляемость и дискурс..., 2019; Фуллер, 2021; Денильханов, 2021; Keyes, 2004; Iyengar, Massey, 2019; Picciotto, 2019].

При этом большинство исследователей связывают формирование общества постправды именно с текущим состоянием Современности, с относительно недавно появившимися техническими и социогуманитарными инновациями.

Так, например, А. Х. Денильханов, отвечая на вопрос, «почему проблемы постправды столь остро встали именно сегодня, превратившись в наиболее обсуждаемую тему в современном мире?», пишет: «Очевидный ответ состоит в том, что среди многообразных, часто взаимоисключающих описаний и оценок событий, которые теперь доступны простому обывателю, совсем не просто выбрать правильную или ту, которую ты соглашаешься считать правильной». Такая ситуация, по его мнению, обусловлена тем, что «мутации, коснувшиеся различных сфер человеческого бытия, связаны прежде всего с наступлением эры новейших

технических средств массовых коммуникаций — телевидения, видеотехники, компьютерной техники. Немаловажную роль в системе человеческих взаимоотношений сыграло развитие глобальной сети Интернет. Экспериментирование с искусственной реальностью, различные способы моделирования действительности повлекли за собой изменения в характере восприятия самой действительности, повлияли на способ общения людей». Однако следует добавить, что никакие «эксперименты над реальностью» и ментальностью «невозможны без санкции основной идеологии, которая в начале XXI в. оказалась утверждением абсолютной свободы. Мир глобально расширился, границы в большинстве стран стали проницаемы, население постепенно смешивается, уничтожая при этом все ограничительные конструкции — культурные, бытовые, миросозерцательные, этические. Понятно, что информационный мир с его неограниченными возможностями смешал все представления о свободе, порядке и демократии, на которых строился мир XIX и XX вв.» [Денильханов, 2021: 41].

Таким образом, можно констатировать, что в современной социально-гуманитарной и философской литературе приобрёл популярность и закрепился ставший уже полновесным концепт «постправда», который начал широко использоваться для концептуально-мировоззренческого анализа переживаемого нами временного периода развития человечества.

При этом нельзя не заметить, что недавно возникший концепт «постправда» непосредственно коррелирует с хорошо известным концептом «правды», значение которого для русской культуры, философии и социальности трудно переоценить. Этот концепт представляется не только значимым для понимания особенностей «русской ментальности», но и весьма нагруженным теоретически, что позволяет отнести к нему без экзотизации и попытаться раскрыть его потенциал во многих направлениях. Отчасти это уже было сделано в работах, ссылки на которые будут приведены ниже.

Для начала заметим, что в русской культуре и философии концепт «правда»,

отражающий специфическое преломление «истины на земле», обрёл статус философемы (для обозначения статуса философемы будем использовать заглавную букву: Правда). Русская культурная и философская традиция издавна опиралась на Правду, искала Правду, пыталась построить целостную систему Правды. Можно утверждать, что в русской культуре сложилась уникальная линия философствования, которую правомерно назвать философией Правды.

В свете вышеизложенного правомерным становится вопрос: а не поможет ли концептуальный аппарат русской философии Правды более глубоко осмыслить феномен постправды? И вообще, что можно сказать о современном состоянии постправды с позиций русской философии Правды?

Обсуждению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Философемы Правда и Истина в русской культуре: концептуализация теоретического аппарата

Философствование в модусе Правды, как уже выше было сказано, издавна практиковалось на Руси. Первый на Руси писанный свод законов называется «Русская Правда»; в русском общественно-политическом дискурсе средневековья постоянно звучит тема Правды как высшей регулятивной идеи; новоевропейские веяния находят отражение в «Правде воли монаршей» — программном документе правления Петра Первого, написанного Феофаном Прокоповичем. Борьба с самодержавием порождает идею новой «Русской Правды» — именно так назвался генеральный проект конституционного обустройства России, вышедший из-под пера идеолога декабристов П. И. Пестеля. Коммунистическая идеология, сыгравшая значительную роль в политической истории России XX в., основывалась на «Правде» — так назывался центральный печатный орган КПСС.

Другое дело, что рефлексия по поводу столь характерной для русской культуры практики философствования в модусе Правды начинается у нас достаточно поздно. Основоположником такой рефлексии по праву можно назвать «властителя дум»

своего времени Н. К. Михайловского, который в 1877 г. опубликовал вызвавший большой общественный резонанс цикл статей под общим названием «Письма о правде и неправде».

Именно Михайловский впервые обратил внимание на глубокую нетривиальность старинного русского понятия «правда». «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, — писал Михайловский, — я не могу не восхищаться его поразительно внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое»².

Михайловский особо подчёркивает специфику русского понятия «правда», обращая внимание на органический синтез идей истины и справедливости, который столь характерен для этого важного русского концепта. Необходимо понять, считает Михайловский, что такое единство истины и справедливости не есть простое следствие неразработанности терминологического аппарата русской языковой культуры, оно имеет под собой глубинные онтологические и аксиологические основания. Анализируя феномен совпадения идей истины и справедливости в едином концепте «правда», Михайловский восклицает: «Можно по этому случаю сказать: как скуден, как жалок дух русского народа, не выработавший разных слов для понятий истины и справедливости! Но можно также сказать, как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самим языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина — только отражение справедливости в области теории, что истина и справедливость не могут противоречить друг другу!»³.

Русская Правда, подчёркивает Михайловский, — это синтетическое образование, в котором нетривиальным образом должны быть соединены истинно существующее (истина) и истинно должное (справедливость). И при таком соединении (вообще говоря, не очень соединимых «половинок») возникает, как выражался Михайловский, «целостная система Правды». И именно в рамках такой системы Правда становится (Правда должна стать!) руководящим принципом жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

«Каждый человек, — пишет Михайловский, — должен или иметь, или искать такую систему...»; «...система Правды нужна и возможна, без неё жить нельзя, то есть по-человечески жить, а по свински-то можно»⁴. Искомая система Правды, полагает Михайловский, «требует такого принципа, который: во-первых, служил бы руководящей нитью при изучении окружающего мира и, следовательно, давал бы ответы на вопросы, естественно возникающие в каждом человеке; который, во-вторых, служил бы руководящей нитью в практической деятельности и, следовательно, давал бы ответы на запросы совести и нравственной оценки, опять-таки естественно возникающие в каждом человеке; и который, наконец, делал бы это с такой силою, что прозелит с религиозною преданностью влётся к тому, в чём принцип системы полагает счастье»⁵.

Рефлексия Михайловского по поводу русского понятия «правда» далеко не полна и имеет целый ряд слабых мест, но Михайловскому удалось показать главное: Правда в русской культуре концептуализируется как высшее *должное*, которое опирается на Истину и опирается на *сущее*, но отнюдь не автоматически выводится из сущего, а (скорее) непротиворечивым образом («правильным» образом) дополняет сущее, образуя целостную систему Правды.

² Михайловский Н. К. Предисловие к 3-му изданию // Полное собрание сочинений Н.К. Михайловского. Т. 1. — Санкт-Петербург: Изд. Н.Н. Михайловский, 1911. — С. V.

³ Михайловский Н. К. Сочинения Н. К. Михайловского. Т. 3, 4. — Санкт-Петербург: Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1897. — С. 384.

⁴ Там же, с. 405.

⁵ Там же, с. 405–406.

Позиция Михайловского оказала влияние на развитие идей русских философов последующего периода, в частности конца XIX – первой половины XX вв. Правда — то, что вытекает из истины, как «единственный правый, верный себе путь жизни»⁶, как «жизнь в согласии с истинно Сущим»⁷.

Надо, однако, сказать, что советский период, во-первых, существенно поменял стиль философствования в модусе Правды, нередко заменив — забежим вперёд — философствование в модусе Правды философствованием, которое можно назвать философствованием в модусе постПравды. Во многих проявлениях это, как ни парадоксально, — период утраты навыка философской рефлексии о феномене и концепте Правды.

Первые работы, в которых начинается историко-культурно-лингвистический и (ещё достаточно «сырой») философский анализ феномена и концепта Правды появляются в постсоветский период⁸ [Арутюнова, 1998]. Среди этих исследований монография (и докторская диссертация) «Философия Правды в русской культуре» автора этих строк, М. В. Черникова [Черников, 2002]. Опираясь на эту монографию, позволю себе (по необходимости кратко) описать, как складывалась и какие характерные черты приобрела русская философия Правды.

Изюминкой, важнейшей чертой русской философии Правды является рефлексия по поводу нетривиального соотношения часто (особенно в современной обыденной речи) употребляемых как синонимы старинных русских понятий «правда» и «истина». В то же время этимологический анализ показывает их принципиальную не-синонимичность (и тем более не-тождественность).

«В основе концепта правда лежит прилагательное правъ в смысле “правильный, справедливый, указывающий предпочтительную ориентацию”, в противовес крив — неправильной, неверной ориентации. Такая ориентация здесь связывается не столько с пространственной [изначально, прилагательное правъ означает “прямой” (в конкретном значении, не расчленён по горизонтали и по вертикали), “не отклоняющийся в стороны (от прямого)”, сколько с правовой и с нравственной сферами. В таком аспекте правый приобретает значения: “поступающий (поступивший) правильным, должным образом”, “невиновный”, “честный”, “справедливый”, “поступающий по совести”⁹ [Иванов, Топоров. 1978: 228] и дополняется производными от сущ. правда — правдъный, правдъно, правдъник, оправдѣти и др., а также словами на неправ-, бесправ-, употребляющимися только в переносных значениях (семантическое ядро — “справедливость”) [Цейтлин, 1996: 147].

Таким образом, правда выступает как общее понятие для выражения и правовой, и нравственно-этической нормы (правильности, справедливости); причём и в плане того, что принимается за норму, и в плане исполнения, реализации нормы (правду правити). На этой основе и возникают такие исконные значения правды как “обет, обещание” (дал крепкую правду), “присяга” (дали правду всей землею), “повеление, заповедь” (правд твоих не забыть), “свод правил, законы”, “договор”, “права” (ты, господин, свою правду сказываешь, а они свою)¹⁰.

Понятие “истина” имеет существенно иную семантическую окраску: “...этимологически истина восходит к др.-рус., ст.-сл. *istъ*, выступающему как прилагательное

⁶ Соловьев Вл. Сочинения в 2-х т. Т.1. — Москва: Правда, 1989. — С. 79.

⁷ Франк С. Л. С. Биография П. Б. Струве. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — С. 206.

⁸ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси: Материалы к курсу “Культура Древ. Руси”: Пособие для студентов вузов. — Москва: Аспект-пресс, 1994. — 366 с.; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — Москва: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.; Иванов В. В., Топоров В. Н. Правда и кривда // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. — Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. — С. 328–329.

⁹ Степанов, с. 324–325; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. — Москва: Прогресс, 1971. — С. 352.

¹⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: репринтное издание. Т. 2. Ч. 2. — Москва: Книга, 1989. — Стб. 1335–1360.

со значением: 1) “подлинный, настоящий, действительный”; 2) “точный”; и как местоимение в значении: “тот, тот самый”¹¹ [Топоров, 1958: 80].

Как показала Р. М. Цейтлин, в древнерусском языке слово истина в норме означало “то, что есть на самом деле, имеется в наличии, в действительности”. Синонимичное употребление лексем правда и истина в значении “то, что было на самом деле, в действительности” является вторичным. В русском и болгарском языках оно получило распространение только после XIV века (в чешском — значительно раньше)¹² [Черников 2005: 14].

На основе древних русских концептов правда и истина с учетом их изначальной не-синонимии (правда изначально выступает представителем нормативного, прескриптивного знания, а истина — представителем дескриптивного, то есть описательного знания) в рамках развития русской философской культуры образуются две философемы (две специфически русские философские категории): Правда и Истина. Философема Правда стала обозначать «высшее (императивное, господствующее) должное», а философема Истина — «высшее (наиболее фундаментальное, несомненное, подлинное) сущее».

Таким образом, можно сказать, что русской культуре удалось дать собственную оригинальную транскрипцию глубочайшей классической проблемы европейской философии. А именно, проблемы соотношения сущего и должного. Таковая в русской культурной традиции принимает вид соотношения Истины и Правды.

Русский философский дискурс в свете идей западноевропейской философии: истина и правда vs должное и сущее

Мы не будем сейчас подробно останавливаться на истории разработки проблемы соотношения сущего и должного

в европейской философии, не будем также специально говорить о той мировоззренческой революции в понимании этого соотношения, которую осуществил Кант, полностью эмансипировав практический разум, показав не-выводимость практического разума из теоретического разума, не-выводимость должного из сколь угодно полного знания сущего (тем самым опровергнув укоренённое в философской традиции ещё со времён Античности представление), не будем обсуждать коллизии соотношения Истины — репрезентанта сущего и Правды — репрезентанта должного в истории русской культуры. Мы лишь воспользуемся некоторыми результатами и концептуальными разработками, достигнутыми в рамках исследований по данной проблематике, указав на следующее.

Мировоззренческая революция Канта в понимании соотношения сущего и должного подчеркнула и, можно сказать, философски обосновала правомерность принципиального не-отождествления Истины и Правды (тем самым закрепив идущую ещё из этимологии не-синонимичность русских концептов «истина» и «правда»). В то же время, при всей глубинной не-тождественности Правды и Истины, русская традиция философствования в модусах Истины и Правды никогда не отрывала Правду от Истины.

Да, не-тождественность Истины и Правды, за которой стоит принципиальная не-тождественность сущего и должного, осознавалась (впрочем, обычно русская философская мысль, указывая на не-тождественность Истины и Правды, не доходила до осознания связи проблемы соотношения Истины и Правды с проблемой соотношения сущего и должного; исключением в этом смысле является, пожалуй, только П. Б. Струве)¹³. Но при этом Правда мыслилась как постоянно опирающаяся на Истину, имеющую Истину

¹¹ Степанов, с. 320–323; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. — Москва: Прогресс, 1967. — С. 144; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. VIII. — Москва: Наука, 1981. — С. 246–247.

¹² Цейтлин, с. 161.

¹³ Струве П. Б. Предисловие к книге Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» // Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. — Москва: Республика, 1997. — С. 340–390.

в качестве своего фундамента. Философия Правды, философствование в модусе Правды, поиск Правды как высшего человеческого должноствования всегда был сопряжён с философией Истины, с философствованием в модусе Истины, с поиском Истины как единственной несомненной сущности нашего мира.

Другое дело, что в отдельный историко-культурный период, в каждой специфической мировоззренческой парадигме и Истина, и связанная с ней Правда представлялись и осмысливались по-разному.

В мифологической мировоззренческой парадигме Истина выступает как предданный онтологически укоренённый порядок Космоса, в рамках которого только и становится возможной жизнь и благопреуспеяние человека. Соответствующее следование мировому порядку имплицитно высшее должноствование человека — Правду. Такая Правда также онтологически укоренена, а потому — релевантна для всех областей человеческой деятельности. Правда, разлитая в Космосе, составляет основу нормативного кодекса, регулирующего жизнь человека и общества, что, таким образом, легитимирует функционирующее в социуме традиционалистское обычное право.

В христианской мировоззренческой парадигме Истина непосредственно связывается с высшим личностным Абсолютом — Богом. Правда здесь определяется как голос Истины, глас Божий. Принципиально важно, что при таком подходе Истина не может выступать как предмет теоретического познания, для чего существует два решающих обоснования. Во-первых, Бог как трансцендентное начало выступает принципиально не познаваемым. Во-вторых, отношение человека с Богом концептуализируется в модусе «Я — Ты» (М. Бубер), соответственно Бог, будучи абсолютным «Ты», требует не теоретического изучения своей природы, но лишь доверия к голосу Ты, доверия к своей Правде. Правда как завет истинного Бога, как голос Истины, есть истинная Правда. Приятие Правды, как считается, обеспечивает божественную помощь и поддержку, что выступает гарантией успеха как в земных делах, так и в деле небесного спасения.

В новоевропейской мировоззренческой парадигме Истина десакрализуется, становится истиной и связывается с естественным (природным) миропорядком, взаимоотношение человека с которым концептуализируется в модусе «Я — Оно» (М. Бубер). При таком подходе на первый план выходит познание устройства естества, познание законов природного мира. Истина определяется как адекватное отражение объективной действительности. Укореняется убеждение, что именно от знания такой истины зависит эффективность деятельности человека, который, потеряв доверие к идее небесного спасения и рассчитывая только на собственные силы, стремится построить «царство Божие» на земле. Соответственно, Правда, теряя свой сакральный источник, становится правдой, непосредственно слитой с истиной как истинным знанием объективной реальности.

Напомним, что именно в рамках новоевропейской мировоззренческой парадигмы исходно формировалась русская марксистская философия. Считалось, что Марксу удалось открыть Истину общественного развития, а именно: найти объективные законы исторического развития общества, и создать таким образом научную теорию развития общества; а затем, уже на основе этой теории, предсказать тот путь, по которому всенепременно должно пойти развитие человечества.

Марксистская философия Истины (то есть мировоззренческое обобщение научных открытий Маркса) хорошо известна, и мы не будем повторять уже набившие оскомину «общие места» исторического материализма. Важнее, что на основе этой Истины концептуализировалась и соответствующая Правда.

Маркс и Энгельс пишут: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончающуюся революционным переустройством

всего общественного здания...»¹⁴. И так, согласно классикам марксизма, в человеческой истории всегда наблюдалась эксплуатация человека человеком — мерзкое, крайне несправедливое отношение между людьми, вызывающее у любого нравственного человека только чувство отрицания, чувство гнева, чувство негодования. И капитализм, — подчёркивают Маркс и Энгельс — не отменяет и даже не смягчает, а только усиливает эксплуатацию человека человеком: «Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых»¹⁵. И далее: «Буржуазия... безжалостно разрывала пёстрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчёта потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»¹⁶.

Положение подвергаемых нещадной эксплуатации наёмных рабочих, — пишут Маркс и Энгельс, — поистине ужасно: «Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего. Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые одно-

образные, легче всего усваиваемые приёмы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а, следовательно, и труда, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растёт непривлекательность труда, уменьшается и заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда... Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее её целью провозглашается нажива. Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола. Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.»¹⁷.

Сегодня стало очевидным, что во многом Маркс и Энгельс были неправы (в частности, цена, на труд, как и всякого товара, определяется не себестоимостью, а спросом на данный товар). Однако несмотря на то, что они гиперболизируют «ужасы капитализма», их нравственная проповедь по сей

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Собрание сочинений: в 50 т. Т. 4. — Москва: Государственное издание политической литературы, 1955. — С. 424.

¹⁵ Там же, с. 425

¹⁶ Там же, с. 426.

¹⁷ Там же, с. 430–431.

день находит отклик в сердцах тех, для кого социальная справедливость — не пустой звук.

Рецепция марксизма в России: апробация или апроприация?

Правда марксизма, определяемая как Правда уничтожения эксплуатации человека человеком, Правда освобождения от вопиющего неравенства, Правда сохранения достоинства каждого труженика была остро прочувствована и предельно актуализирована русским рабочим движением и, в частности, русскими марксистами. Практически все идейные приверженцы Маркса в России так или иначе повторяли слова Радищева: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»¹⁸.

Священная борьба против несправедливости, против угнетения, против низведения человека до рабского состояния — вот что, в первую очередь, вдохновляло в ту пору мыслящих русских людей. Именно в такой борьбе состояла великая Правда русского революционного движения. Философское обоснование этой Правды, включение её в целостную систему мировоззрения, стремление придать ей мировоззренческую фундированность составили предмет и содержание русской — революционной — философии Правды. И Герцен, и Бакунин, и Плеханов, и Ленин, и Троцкий, и Сталин исповедовали такую Правду, вдохновлялись такой философией Правды и сами — по мере сил и возможностей — принимали участие в разработке этого варианта русской философии Правды.

Но именно страстное желание достичь (такой) Правды сыграло злую шутку с русскими последователями Маркса. По крайней мере, с их большевистским крылом.

В самом деле, у самого Маркса философия Истины и философия Правды находились в относительно гармоничном сочетании, философия Правды (идеологическая составляющая марксизма) видимым

образом опиралась на философию Истины. Переход от капитализма к коммунизму, устранение частной собственности и, соответственно, как (пусть и ошибочно) учили Маркс и Энгельс, окончательная ликвидация эксплуатации человека человеком обуславливались не желанием угнетённых масс, не волей революционеров, а объективными законами исторического развития общества. Они полагали, что *само* (объективное) развитие капитализма требует его гибели, требует перехода от капитализма к коммунизму; само (объективное) развитие капитализма порождает его могильщика — класс пролетариата. И только в условиях наибольшего развития капитализма борьба пролетариата против буржуазии становится действительной, достигает успеха. Ну, а успех пролетарской борьбы с необходимостью влечёт и соответствующие (так искомые философией революционной Правды) следствия, поскольку, как пишут Маркс и Энгельс, «эксплуатируемый и угнетённый класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы»¹⁹.

Эту (пусть, по существу, только видимую) гармонию между философией Истины и философией Правды в учении Маркса достаточно серьёзно разрушил считавший себя верным последователем Маркса, главный философ большевиков — В. И. Ленин. Позиционируя себя как правоверный марксист, Ленин «творчески» подошёл к наследию марксизма. Как отмечает современный исследователь В. А. Никонов, «Ленин добавил к учению Маркса – Энгельса достаточно много. Учение об империализме как высшей стадии капитализма... Учение о государственно-монополистическом капитализме. Ленин полагал, что “война, ускорив огосударствление производства и потребления, привела к превращению монополистического капитализма

¹⁸ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 1. — Москва; Ленинград: Academia, 1935. — [Л. 1].

¹⁹ Маркс К., и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. — Москва: Политиздат, 1974. — С. 7.

в государственно-монополистический, создавая тем самым все материальные предпосылки для перехода к социализму²⁰. Достаточно простой национализации банков и синдикатов. И, конечно, Ленин довёл до логического завершения и развил идею классиков о диктатуре пролетариата, которую сам он считал центральной в марксизме. Ленинский марксизм вышел очень боевым и жестоким» [Никонов, 2020: 209–210]. Однако самое радикальное обновление Маркса Лениным связано с развитием последним учения о победе пролетарской революции в стране, ещё не достигшей уровня развитого капитализма, что, согласно классической марксистской теории, было принципиально невозможно. В 1917 г. социалистическая революция по Марксу была невозможна, поскольку Россия ещё не была страной развитого капитализма: крестьянство в это время составляло до 85% населения и производило 50% ВВП [Черников, 2021: 110]. Именно поэтому призыв Ленина к захвату власти пролетариатом и осуществлению в России социалистической революции, прозвучавший в «Апрельских тезисах», не просто не встретил понимания со стороны многих российских марксистов, но, скорее, встретил откровенное непонимание. Лучший знаток марксизма в России, основатель первой российской марксистской организации («Освобождение труда», 1883) Г. В. Плеханов прямо назвал такой призыв Ленина «бредом»²¹.

Однако Ленину и возглавляемой им партии большевиков удалось «сказку сделать былью», сделав «бред» реальностью в октябре 1917 г., когда, как учили во всех советских школах, произошла первая в мире социалистическая революция. В дальнейшем большевикам удалось отстоять завоевания Октября и построить первое в мире социалистическое государство — СССР, превратившееся со временем в сверхдержаву. Внося коррективы в классический марксизм (вождь мирового пролетариата

полагал, что «марксизм не догма, а руководство к действию») и развивая учение о победе социалистической революции в отдельно взятой стране — стране, которая сильно отставала по уровню капиталистического развития от передовых стран Европы, (как и другой ведущий лидер победивших большевиков — Л. Д. Троцкий) Ленин верил, что социалистическая революция в России перерастёт в мировую революцию, порыв России подхватят страны развитого капитализма и только тогда можно будет говорить о действительном построении социалистического государства (заметим, что столицей такого государства предполагалось сделать отнюдь не Москву, но Берлин).

Главный строитель могучего Советского Союза, И.В. Сталин, тоже отличился в плане творческого развития марксистской теории. После того, как проект мировой революции обнаружил свою несостоятельность, Сталин творчески развил теперь уже ленинизм, взяв на вооружение концепцию построения социализма в отдельно взятой стране, что, как опять же учили во всех советских школах, было блестяще реализовано. СССР, идя по пути социалистических преобразований, осуществил коллективизацию, индустриализацию и победил в ожесточенной войне мощнейшую фашистскую Германию, сумевшую подчинить себе практически всю Европу и направить объединённые таким образом европейские ресурсы на завоевание России. Далее последовало строительство социалистического блока, освоение атома и ядерного оружия, первый в мире запуск космического корабля. Мощность СССР перед его распадом достигла невероятных размеров.

Но здесь возникает вопрос, требующий своего философского осмысления. В какой мере успехи СССР были обязаны справедливости марксистской (ещё раз — претендующей на научность) теории, а в какой мере — другим факторам. В этой связи обращают на себя внимание два момента.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 159, 156, 161, 192–193.

²¹ Плеханов Г. В. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен // Октябрьский переворот: Революция 1917 г. глазами ее руководителей: Воспоминания рус. политиков и коммент. зап. историка. — Москва: Современник, 1991. — С. 170.

Во-первых, сегодня мы можем с большой долей уверенности сказать, что марксистская теория уязвима с научной точки зрения. Концепция объективных законов, жёстко детерминирующих историческое развитие общества, диалектика как всеобщее учение о развитии, марксистская концепция эксплуатации человека человеком, основанная на теории трудовой и прибавочной стоимости, теория пролетарской революции и перехода к социализму как более прогрессивному (по сравнению с капитализмом) общественному строю, отменяющему частную собственность на средства производства, — все эти фундаментальные положения марксистской теории не могут быть признаны «истинными» с точки зрения современного уровня развития социально-гуманитарных наук [Черников, 2022].

Во-вторых, «творческое развитие» марксизма Лениным и Сталиным во многом добавило марксистской теории дополнительной теоретической уязвимости. Отсюда видится правомерным предположить, что своим успехам СССР обязан не столько философии Истины, сколько другой составляющей мировоззренческой системы, той составляющей, которая уже сама по себе может обеспечить мощное коллективное действие, а именно — философии Правды. При этом важно заметить, что в СССР Правда де факто перестала опираться на Истину, которую (якобы) представляла марксистская теория, Правда стала самодостаточной и, как оказалось, весьма и весьма эффективной. Возвращаясь к оптике, заявленной в начале этой статьи, отметим: Правда, по тем или иным причинам утратившая связь с Истиной, не опирающаяся на Истину, это уже не Правда. Это, если воспользоваться наиболее подходящим современным термином, постПравда. То есть, по сути, речь идёт о мировоззренческой трансформации (точнее, мировоззренческой мутации), которую де факто осуществила философия Правды в первой трети XX в., можно охарактеризовать как переход от философии (философствования в модусе) Правды к философии (философствованию в модусе) постПравды.

При этом, как оказалось, философия (философствование в модусе) постПравды весьма и весьма эффективна. Ведь именно

опора на постПравду лежит в основе успехов Советского Союза.

Таким образом, анализ становления различных вариаций интерпретации марксизма показывает, что феномен «постПравды» формируется в России не позднее первой трети XX в. и связан не с абстракциями «конструируемых смыслов» постмодерна, но с развитием отношения общества к «порядку смысла» в русле поисков философии Правды и перехода к философствованию постПравды. Особенности последнего становятся явно выраженный манипулятивный характер, отражённый в искусственном переводе идеологии в статус науки и раскрытие её потенциала с помощью такого рычага, как средства массовой коммуникации. Примеров использования последних достаточно, от уже упомянутой газеты «Правда» до малотиражных районных изданий, от брошюр и методичек, регулирующих освоение «массами» народной идеологии, до иммерсивных театрализованных постановок на «большой» сцене и на сценах сельских клубов. В этих культурных практиках отражается важная особенность постПравды: она сохраняет «идейную преданность» Истине, следует «заветам» Правды, — но реализует всё это в режиме постПравды. С этой точки зрения массовая коммуникация, от центральных газет до разного рода агиток, становится в полной мере «средствами массовой информации» (то есть соответствует «политкорректному» переводу слова «media», осуществлённому в советский период и вошедшему в советский лексикон вместо «средств массовой коммуникации»: идеология информирует, «коммуникация» массам «не показана»).

Не менее важными особенностями постПравды «раннего образца» можно считать и её зависимость от вождизма с его культом политического лидера, который воплощает в себе и подлинно научное знание, и мудрость, пришедшую не от века сего. Эти показательные характеристики позволяют обратиться в дальнейшем анализе к теории «базового мифа» Ж. Сореля как модели, способной при определённых условиях дать теоретический «сплав», пригодный для размышления на тему имплантации постПравды в современной культуре.

«Базовый миф» Ж. Сореля в контексте теории постПравды

Почему же постПравда, то есть Правда, де факто оторванная от Истины, Правда, позволяющая себе игнорировать, не принимать во внимание Истину, смогла оказаться такой эффективной (пусть и в краткосрочном периоде), а, следовательно, — и весьма востребованной? Ответ представляется таким: потому что постПравда, при условии её монопольной трансляции в обществе, её повсеместного распространения и тотальной вовлечённости в её круг идей и представлений каждого члена общества, становится уже не просто мифом (то есть «ложным сознанием»), но т.н. «базовым мифом» (этот термин ввёл в научный оборот швейцарский социалист Ф. Сорель).

О специфике «базового мифа» Сорель писал следующее: «В ходе изысканий я обнаружил факт ...: участники крупных общественных движений представляют себе ближайшие свои действия в виде битв, которые принесут их делу победу. Эти важные для историка конструкции я предлагал называть мифами — так, всеобщая стачка синдикалистов и катастрофическая революция Маркса суть мифы. ...такие системы образов не следует пытаться анализировать, разлагать на составные части, их нужно рассматривать в целом, как исторические силы, и особенно следует остерегаться сравнивать свершившиеся факты с представлениями, принятыми на веру до совершения действия»²².

По поводу такого употребления Сорелем термина «миф» Жак Жюльер специально отмечал: «...идею мифа придумал не Сорель. Об этой форме аффективной мысли, характерной для первобытного человека, задумывались многие авторы: от Фонтенеля и Бейля до Леви-Брюля и Дюркгейма»²³. Но Сорель первым обратил внимание, что «миф... совершенно естественно превращается в репрезентацию будущего, то есть в мобилирующий образ. Это и есть основа Сорелевской теории мифа»²⁴.

Разумеется, «базовый миф» не сводим к мифологии в её классическом понимании. Более того, он в определённой мере несоизмерим и с мифом политическим: по сути, «базовый миф» раскрывает условия создания политической мифологии, создаёт атмосферу, в которой конструируется тот или иной политический миф. Его задача, если подходить к идеям Сореля с позиций изучения философии постПравды, состоит в определении векторов манипуляции массовым сознанием в призма, которую «базовый миф» соотносит не только с Правдой, но и с Истиной. Таким образом он фактически реализует себя как ответ на запрос о должном, отвечает на вопрос о смысле жизни, смысле существования и цели деятельности, выполняя при этом роль медиатора между человеком и Смыслом, который предстаёт в образе Правды, то есть Правды, сопряжённой с Истиной, но на самом деле является постПравдой, то есть Правдой, оторванной от Истины.

Заметим: по мнению Сореля, тотальные (лежащие в основе массовых человеческих деяний, а потому — базовые) «мифы, горячо апеллирующие не столько к реальности, сколько к мучительно ощущаемой необходимости изменить сложившуюся реальность, рождают “героев, штурмующих небеса”»²⁵. Тем самым он обозначает «надмирный» характер подобного мифа, несводимый исключительно к конструируемому смыслу. Напротив: «базовый миф», по нашему мнению, возникает как *структура* социальной реальности, а не как *конструкция*. В то же время он служит фреймом для последующего *конструирования*.

Внедряясь в сознание человека, «базовый миф» заставляет последнего чувствовать себя рождённым для того, чтобы «сказку сделать былью», — то есть для того, чтобы реализовать величественный Проект мифа, и, если надо, умереть за него, не подвергая сомнению достоверность Про-

²² Сорель Ж. Размышления о насилии. — Москва: Фаланстер, 2013. — С. 43.

²³ Жюльер Ж. Предисловие // Размышления о насилии / Ж. Сорель. — Москва: Фаланстер, 2013. — С. 15.

²⁴ Там же.

²⁵ Сорель, с. 45.

екта. Как писал Ренан: «Мы умираем за мнения, а не за достоверности, за то, во что мы верим, а не за то, что мы знаем...»²⁶.

Итак, нельзя не обратить внимание на принципиальную близость «базового мифа» (по Сорелю) и постПравды. Подобно тому, как «базовый миф» неverifiedируем, оторван от реального положения дел, но аффективно заряжен и весьма эффективен в деле мобилизации коллективного действия, так и Правда, оторванная от Истины и становящаяся таким образом пост-Правдой, неverifiedируема, но при этом, имея статус Высшего Долженствования, может быть — при определённых условиях — предельно мощным мотиватором как индивидуально-го, так и коллективного действия.

Что же это за условия?

Как представляется, такие условия сложились (не в конце, а уже) в начале XX в.

Во-первых, в это время происходит процесс, названный Ортегой-и-Гассетом «восстанием масс», то есть появился невиданный ранее массовый субъект.

Во-вторых, появился мощный запрос на эффективную мобилизацию широких народных масс для соответствующих коллективных действий. В первую очередь этот запрос диктовался военными нуждами — в первой мировой войне принимали участие невиданные ранее по численности армии, но не менее важными в этом смысле были и политические процессы, общая направленность которых шла по пути демократизации политического действия, как в плане эволюционном, так и в плане революционном.

В-третьих, фактически уже стало складываться «информационное общество», чрезвычайно возросли профессионально порождаемые СМИ информационные потоки, в «пучину» которых оказались погружены практически все граждане развитых государств. При этом верификация поступающей извне информации для простого человека оказалась крайне затруднена, как из-за слишком большого наплыва такой информации, так и в силу сложности

(в той числе, и когнитивной) процедур верификации информации об явлениях и процессах, не входящих в жизненный ландшафт простого человека (например, геополитических).

И, наконец, в огромной степени выросли возможности государства как по распространению «удобной», так и по цензурованию «неудобной» информации, что вместе с эффективностью репрессивной государственной политики по отношению к «инакомыслящим» привело к возможности успешной индоктринации (доходящей до, буквально, зомбирования) широких народных масс в заданном направлении.

В этих условиях Правда могла позволить себе уже не опираться на Истину, могла стать постПравдой, но и в этой своей реинкарнации обнаружила достаточно высокую эффективность в деле мобилизации коллективного действия

Заключение

Концептуальный анализ тенденции, которую мы обозначили как переход от философии (философствования в модусе) Правды к философии (философствованию в модусе) пост-Правды, выявил возможность обнаружения «постправды» как феномена культуры уже в первой трети XX в.

Этому способствовало обращение к традиции русской культуры и философии, которая основана на особом типе отношения к Истине и смыслу в модусе долженствования. Это позволило проследить формирование философии Правды (философствования в модусе) Правды, а также философии постПравды (философствования в модусе) пост-Правды.

В свою очередь, апробация экстрагированного из данного типа рассуждений концептуального аппарата к анализу марксистской философии советского периода показала, что этот период можно рассматривать с позиций выбранной философии как мутацию выработанной в России философии Правды: Правда де факто оказалась редуцированной, оторванной от Истины

²⁶ Там же.

и де факто превратилась в постПравду. При этом философия не отказалась от апелляции к истине, — напротив, она сделала этот ритуал ещё более востребованным, поскольку заявляла о своей научности.

Важно подчеркнуть, что философия (философствование) в модусе постПравды вполне способна быть достаточно эффективной в деле мобилизации коллективного действия, о чём свидетельствуют успехи СССР, достигнутые не только за счёт постижения Истины социального развития, но и в определённой мере за счёт успешной индоктринации в толщу народных масс тех «изводов» постПравды, которые могли

быть сконструированы только в атмосфере постПравды как своеобразной социальной онтологии, задающей рамки возможных конструкций, работающих как образы (точнее, симулякры) Истины.

В настоящее время сохраняются — и даже усиливаются — условия, делающие философию постПравды (философствование в модусе постПравды) и востребованной, и достаточно эффективной. Именно поэтому концептуальный анализ философии постПравды, а также действенная критика философии постПравды, представляются сегодня весьма актуальными как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Список литературы:

- "Политика постправды" и популизм / В. А. Ачкасов, Н. А. Баранов, Д. А. Будко [и др.]. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2018. — 216 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — Москва: Языки русской культуры. 1998. — 914 с.
- Багрова В. В. Критический анализ реализации постиндустриализма в современном обществе // Философская мысль. — 2017. — № 11. — С. 67–76. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2017.11.21308>
- Бойко А. А., Зоткина О. В. Грани человеческого в постмодернизме: выход за пределы // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы. — 2022. — Т. 1, № 12. — С. 178–182.
- Давыдов Д. А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму // Социологические исследования. — 2021. — № 6. — С. 3–13. <https://doi.org/10.31857/S013216250014309-2>
- Давыдов Д. А. Посткапитализм: от индивидуализма потребительского к индивидуализму экспрессивному // Общественные науки и современность. — 2022. — № 4. — С. 47–61. <https://doi.org/10.31857/S0869049922040049>
- Денильханов А. Х. Постправда и либеральная парадигма постмодерна // Вестник Московского государственного университета. Серия 12: Политические науки. — 2021. — № 6. — С. 34–46.
- Евстафьев Д. Г. Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации // Вестник МГИМО-Университета. — 2023. — Т. 16, № 6. — С. 207–222. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222>
- Елдин М. А., Раслова А. А. Специфика экономической традиции российского общества: от византийских истоков до постиндустриализма и постмодернизма // Экономическая история. — 2023. — Т. 19, № 2. — С. 177–187. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.061.019.202302.177-187>
- Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. — Москва: Наука, 1978. — С. 221–240.
- Карасев В. И. Социальная реальность в формате постсовременности: методология и гносеология // СОТИС — социальные технологии, исследования. — 2021. — № 4. — С. 27–40.
- Кондрашов П. Н. Посткапитализм как новая общественная INTER/TRANS-формация // Социологические исследования. — 2020. — № 2. — С. 150–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>
- Кравченко К. А. Философия постмодернизма: новые попытки осмысления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2021. — № 3. — С. 108–112.

- Криман А. И. Философия постмодернизма как условие возникновения постгуманизма // Сибирский философский журнал. — 2021. — Т. 19, № 3. — С. 161–174. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2021-19-3-161-174>
- Лига М. Б., Чжоу Ч., Цзян Д. Субъекты «знаниевой модели качества жизни» в концепциях посиндустриализма // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 49–57. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-49-57>
- Михайлова Е. А. Роль СМИ в принятии государственных решений в эпоху постмодернизма // Вопросы политологии. — 2020. — Т. 10, № 2. — С. 453–460.
- Морозов А. В. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2019. — № 2. — С. 226–242.
- Некlessа А. И. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 2. — С. 130–144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.10>
- Никонов В.А. Ленин. Человек, который изменил всё. — Москва: Эксмо, 2020. — 651 с.
- Олешкова А. М. Проблема репрезентации: постмодернизм, критическая теория и медиадискурс // *Respublica Literaria*. — 2023. — Т. 4, № 4. — С. 14–27. <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.4.14-27>
- Павлов А. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // *Логос*. — 2019. — Т. 29, № 2. — С. 1–24. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-1-21>
- Политика постправды в современном мире / Под ред. О.В. Поповой. — Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2017. — 282 с.
- Равочкин Н. Н. Метаморфозы идеологии в реалиях постсовременности. — Воронеж. Научное издательство Гусевых, 2020. — 197 с.
- Сбойчикова М. В. Эволюция цифрового общества с точки зрения теории постиндустриализма // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2023. — Т. 51, № 4. — С. 172–195. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1686>
- Семилет Т. А., Фотиева И. В., Иванов А. В. Ситуация постсовременности в медиакommunikации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — Т. 20, № 6. — С. 200–211. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-200-211>
- Тазаян А. Б. Неклассическая рациональность и перспективы либерализма в эпоху постсовременности. — Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. — 132 с.
- Тихонова И. Ю. Феномен социального времени в постсовременности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2023. — № 3. — С. 68–73.
- Тихонова И. Ю. Эмоциональный капитализм как проект постсовременности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2022. — № 2. — С. 124–130.
- Топоров В. Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1958. № 25. С. 74–87.
- Уланович О. И., Карпушенко Ю. И. Постмодернизм: формы социальной рефлексии и художественного миромоделирования // Искусствознание: теория, история, практика. — 2022. — № 1. — С. 71–78.
- Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / Д. С. Мартынов, И. А. Быков, Г. В. Лукьянова [и др.]. — Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2019. — 312 с.
- Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. — Москва: Высшая школа экономики, 2021. — 368 с.
- Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв.: проблемы и методы. — Москва: Наука, 1996. — 232 с.
- Черников М. В. Базовый миф СССР: сравнительно-концептуальный подход // Вестник ВГУ. Серия Философия. — 2021. — № 2. — С. 98–118.
- Черников М. В. Искания Правды: русский путь. — Воронеж: Ин-т менеджмента, маркетинга и финансов, 2005. — 236 с.
- Черников М. В. Разбираясь с марксизмом. — Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2022. — 102 с.

- Черников М. В. *Философия Правды в русской культуре*. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. — 202 с.
- Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // *Полис. Политические исследования*. — 2017. — № 2. — С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Щипков А. В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма // *Вопросы философии*. 2019. — № 9. — С. 40–49. <https://doi.org/10.31857/S004287440006317-3>
- Iyengar S., Massey D. S. Scientific communication in a post-truth society // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2019. — Vol. 116, No 16. — P. 7656–7661. <https://doi.org/10.1073/pnas.1805868115>
- Keyes R. *The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. — New York: St. Martin's Press. 2004. — viii, 312 p.
- Picciotto R. Is evaluation obsolete in a post-truth world? // *Evaluation and Program Planning*. — 2019. — Vol. 73. — P. 88–96. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2018.12.006>

References:

- Achkasov, V. A. et al. (2018) *Post-truth politics and populism*. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ. (In Russian).
- Arutyunova, N. D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: YAzyki russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Bagrova, E. V. (2017) 'Critical analysis of implementation of post-industrialism in modern society', *Philosophical Thought*, (11), pp. 67–76. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2017.11.21308>
- Boyko, A. A. and Zotkina, O. V. (2022) 'Facets of the human in postmodernisms: going beyond', *Nauka. Tekhnika. Chelovek: istoricheskiye, mirovozzrencheskiye i metodologicheskiye problemy*, 1(12), pp. 178–182. (In Russian).
- Chernikov, M. V. (2005) *Iskaniya Pravdy: russkiy put'* [Search for Truth: the Russian Way]. Voronezh: In-t menedzhmenta, marketinga i finansov Publ. (In Russian).
- Chernikov, M. V. (2021) 'Basic myth of the USSR: comparative conceptual approach', *Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, (2), pp. 98–118. (In Russian).
- Chernikov, M. V. (2023) *Razbirayas' s marksizmom* [Understanding Marxism]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ. (In Russian).
- Chernikov, M. V. (2002) *Filosofiya Pravdy v russkoy kul'ture* [Philosophy of Truth in Russian Culture]. Voronezh: Izd-vo VGU Publ. (In Russian).
- Chugrov, S. V. (2017) 'Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy?', *Polis. Political Studies*, (2), pp. 42–59. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Davydov, D. (2021) 'Post-Capitalism and Class Transformation in Modern Society: From a Liberator Class to a New Antagonism?', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), pp. 3–13. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250014309-2>
- Davydov, D. A. (2022) 'post-capitalism: from consumer individualism to expressive individualism?', *Social sciences and contemporary World*, (4), pp. 47–61. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869049922040049>
- Denilkhanov, A. Kh. (2021) 'Post-truth and the liberal paradigm of postmodernity', *Lomonosov political science journal*, (6), pp. 34–46. (In Russian).
- Eldin, M. A. and Raslova, A. A. (2023) 'The Specifics of the Economic Tradition of a Russian Society: from Byzantine Origins to Postindustrialism and Postmodernism', *Economic History*, 19(2), pp. 177–187. (In Russian). <https://doi.org/10.15507/2409-630X.061.019.202302.177-187>
- Evstafiev, D. G. (2024) 'The Discourse of Post-capitalism as a Reflection of the Crisis of Globalization', *MGIMO Review of International Relations*, 16(6), pp. 207–222. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222>

- Fuller, S. (2018) *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. London: Anthem Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvgd30v> (Russ. ed.: (2021) *Postpravda: znaniye kak bor'ba za vlast'*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.).
- Ivanov, V. V. and Toporov, V. N. (1978) 'O yazyke drevnego slavyanskogo prava [On the language of ancient Slavic law]', in *Slavyanskoye yazykoznanie* [Slavic linguistics]. Moscow: Nauka Publ., pp. 221–240. (In Russian).
- Iyengar, S. and Massey, D. S. (2019) 'Scientific communication in a post-truth society', *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116(16), pp. 7656–7661. <https://doi.org/10.1073/pnas.1805868115>
- Karasev, V. (2021) 'Social reality in the format of postmodernity: methodological and epistemology', *SOTIS - social'nye tehnologii, issledovaniâ*, (4), pp. 27–40. (In Russian).
- Keyes, R. (2004) *The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Press.
- Kondrashov, P. (2020) 'Post-capitalism as a Social Inter/trans-formation', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), pp. 150–159. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>
- Kravchenko, K. A. (2021) 'The philosophy of postmodernism: new attempts at understanding', *Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, (3), pp. 108–112. (In Russian).
- Kriman, A. I. (2022) 'Postmodern Philosophy as a Condition for the Emergence of Posthumanism Theory', *Siberian Journal of Philosophy*, 19(3), pp. 161–174. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2021-19-3-161-174>
- Liga, M. B., Zhou, C. and Jiang, D. (2022) 'Subjects of the "Knowledge Model of the Quality of Life" in the Concepts of Post-Industrialism', *Humanitarian Vector*, 17(4), pp. 49–57. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-49-57>
- Martyanov, D. S. et al. (2019) *Upravlyayemost' i diskurs virtual'nykh soobshchestv v usloviyakh politiki postpravdy* [Governability and discourse of virtual communities in the context of post-truth politics]. Saint Petersburg: ElekSis Publ. (In Russian).
- Mikhailova E. A. (2020) 'The role of the media in public decision-making in the postmodern era', *Political science issues*, 10(2), pp. 453–460. (In Russian).
- Morozov, A. V. (2019) 'navigating accelerationism: from non-capitalism to postcapitalism via platform', *Galactica Media: Journal of Media Studies*, (2), pp. 226–242. (In Russian).
- Neklessa, A. I. (2022) 'Postcoloniality as a fractal aspect of postmodernity: subject, methodology, forecast (The 70th anniversary of Alfred Sauvy's article "Three Worlds, One Planet")', *Polis. Political Studies*, pp. 130–144. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.10>
- Nikonov, V. A. (2020) *Lenin. Chelovek, kotoryy izmenil vso* [Lenin. The Man Who Changed Everything]. Moscow: Exmo Publ. (In Russian).
- Oleshkova, A. (2023) 'The Problem of Representation: Postmodernism, Critical Theory and Media Discourse', *Respublica Literaria*, 4(4), pp. 14–27. (In Russian). <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.4.14-27>
- Pavlov, A. (2019) 'The Postmodern Gene: Does Post-Capitalism Mean Post-Postmodernism?', *Philosophical Literary Journal Logos*, 29(2), pp. 1–24. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-2-1-21>
- Picciotto, R. (2019) 'Is evaluation obsolete in a post-truth world?', *Evaluation and Program Planning*, 73, pp. 88–96. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2018.12.006>
- Popova, O. V. (ed.) (2017) *Politika postpravdy v sovremennom mire* [Post-truth politics in the modern world]. Saint Petersburg: Skifia-Print Publ. (In Russian).
- Ravochkin, N. N. (2020) *Metamorfozy ideologii v realiyakh postsovremennosti* [Metamorphoses of ideology in the realities of postmodernity]. Voronezh: Nauchnoye izdatel'stvo Gusevykh Publ. (In Russian).
- Sboychikova, M. V. (2023) 'Digital society as an evolutionary stage of post-industrial development', *Journal of wellbeing technologies*, 51(4), pp. 172–195. (In Russian). <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1686>
- Semilet, T.A., Fotieva, I. V. and Ivanov, A. V. (2021) 'Post-Modern Situation in Media Communication: Forecast and Reality', *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(6), pp. 200–211. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-200-211>

Shchipkov, A. (2019) 'Systemic Crisis of the Society and the State of Postcapitalism', *Voprosy filosofii*, (9), pp. 40–49. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440006317-3>

Tazayan, A. B. (2021) *Neklassicheskaya ratsional'nost' i perspektivy liberalizma v epokhu postsovremennosti* [Non-classical rationality and prospects of liberalism in the era of postmodernity]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya Publ. (In Russian).

Tikhonova, I. Y. (2023) 'The phenomenon of social time in postmodernity', *Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, (3), pp. 68–73. (In Russian).

Tikhonova, I. Yu. (2022) 'Emotional capitalism as a project of modernity', *Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, (2), pp. 124–130. (In Russian).

Toporov, V. N. (1958) 'Etimologicheskiye zametki (slavyano-ital'yanskiye paralleli) [Etymological notes (Slavic-Italic parallels)]', *Kratkiye soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*, (25), pp. 74–87. (In Russian).

Ulanovich, O. I. and Karpushenko, Ju. (2022) 'Postmodernism: forms of social reflection and artistic modeling of the world', *Art studies: theory, history, practice*, (1), pp. 71–78. (In Russian).

Zeitlin, R. M. (1996) *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI – XIV/XV vv.: problemy i metody* [Comparative lexicology of Slavic languages of the 10th/11th – 14th/15th centuries: problems and methods]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Михаил Васильевич Черников — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Mikhail V. Chernikov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, 84, 20 let Oktyabrya street, Voronezh, 394006 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 29.12.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 29.12.2024; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.